

Москва, февраль 1933 г.

ЦЕНА 30 КОП.

КСЖБ
12

ЖРО КОДИЛ №4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

БАНДИТЫ ПЕРА ДОШЛИ ДО РУЧКИ

(Из западной жизни)

(М. Черемных)



ЖУРНАЛИСТ: — Придется прибавить... О трудностях второй пятилетки писать куда труднее...

Разговоры такие везде бывают,
И сам я слышал их много раз...
Двое людей говорили в трамвае,
Роняя обрывки привычных фраз.

— А как поживает ваша Наташа?
— Они прекрасно живут пока.
Как говорится, — полная чаша!
Ведь он устроился в Зе-эР-Ка.

— Вот как! И верно, с большим окладом?
— Н-нет... Но вы знаете, — он не дурак.
Он там... каким-то заведует складом...
— Не продолжайте! Понятно и так.

Теперь мне решительно все понятно!
А то я встретила с ней в кино
И удивилась: такой нарядной
Я не видала ее давно.

Так он в Зе-эР-Ка? А я и не знаю,—
Ни разу никто из них не зашел...
Ну, передайте, что я поздравляю!
— С чем? — А вот с тем... что все так хорошо!

Вы знаете, — я ей завидую даже!
Такая шубка! Такой берет!
И вдруг один из трамвайных граждан
Вмешался в этот семейный дуэт.

И фразой простой — сильнее танка
Разбил щебечущий разговор:
— Вы, значит, завидуете, гражданка,
Что муж у ихней Наташи — вор?

Вопрос разорвался, как шутиха,
Необычайный в своей прямоте,
И на секунду сделалось тихо,
Тихо в трамвайной тесноте.

Тщетно поддержки ища у соседей,
Щелки глаз растянув в нули,
Выдавил дамский собеседник:
— Вы... вы, наверно, с ума сошли!

И голос ровный ответил сзади
Сквозь нарастающий гам и шум:
— Я-то с ума не сошел, приятель!
Я жду, чтоб другие взялись за ум.

И сразу люди словно проснулись,
И загудел, митингуя, вагон,
Как будто в чужой пчелиный улей
Попали трутни: она и он.

Двое людей, краснея и ежась,
Быстро к дверям заспешили, скользая,
Шепча друг другу: — Ну и хамье же!
Просто и слова сказать нельзя!

В деревне на хлебозаготовках мне приглянулся один старичок. Приятный такой был старичок, леповитый. Ласковый старичок. По городам такие не попадаются, только по деревням. От городского старичка либо псинной пахнет либо канцелярскими чернилами, — и так уж и ждешь, на него глядя, что вот сейчас начнет он выписывать тебе удостоверение. А этот старичок был совсем противоположный, и пахло от него свежей липовой древесиной. Истовый старичок.

Приглянулся и я старичку. После двух-трех встреч в колхозправлении мы с ним поосвоились, и он пригласил меня к себе:

— Чайку попьем, побеседуем. Уж не обессудьте!

Я не обессудил.

В старичковой избе было чисто и приветливо. Мы выкушали по стаканчику пользительной, посидели за чайком с медком и за приятным разговором о том, о сем. А затем старичок, благобно мне улыбнувшись, спросил:

— Похоже, однако, вы меня не признали, милый товарищ? Ась? Позабыли, похоже?..

— Извиняюсь, — смутился я. — Припоминаю действительно что-то такое... Шрам вот у вас... Смуглолицый, прямой, высокий вы... действительно что-то с детства знакомое... Но...

Старичок кротко сказал:

— Дядя Влас я. Некрасовский. Неужто не помните?

И умильно продекламировал:

„В армяке с открытым воротом,

С обнаженной головой,

Медленно проходит городом

Дядя Влас, старик седой“.

— Ах ты ж, господи!.. обрадовался я. — Помню, помню, ну, как же!.. Со школьной скамьи вас знаю! Но каким же манером вы до сих пор...

— ...Сохранился-то? На деревне-то? — подсказал старичок. — Ну, наша власовская порода живучая! Такая почва под нами была. На своем корню растем, как-никак.

— Так, так!.. Но, помнится, ведь вы же этого... „На груди икона медная, просит он на божий храм“...

— „Весь в веригах, обувь бедная, на щеле глубокий шрам“, — с чувством докончил старичок. — Да это что ж: это уж вы некрасовские времена вспоминаете! А нынче в таком занятии — на храм-то просить — расчету нетути. На шрам получится, а не на храм! Нет, нынче мы на деревне осели.

— Так, так... Но извините за щекотливый вопрос, вы даже кулаком были как будто?

— Ох, грехи наши тяжкие: не скрою, был! — кротко и покаянно сознался старичок. — Это ж и по Некрасову так.

— То-то и я вспоминаю: „У всего соседства бедного скупит хлеб, а в черный год не поверит гроша медного, втрое с нищего сдерет“.

— Грехи-то наши! — истово вздохнул старичок. — Путал бес окаянного!..

— И еще там что-то про вас... „Промышляющих разбоями, конокрадов укрывал“.

Старичок махнул рукою:

— Эх, что уж там конокрады!.. Деникинцев хлебом-солью встречал, селькоров подкарауливал с обрезом, „красного петуха“ пуцал в совхозы! А в свободное время, конечно, „брал с родного, брал с убогого“ и „снял рубашку с пахаря, крал у нищего суму“... Я уж вам, как на духу!

— Так... Ну, а потом?

— Что ж потом... — поник головой старичок. — Известно. „Наконец и грянул гром!“

— Гром?

— Он самый. Насчет ликвидации как класса. Прогневили, видно, всевышнего.

— Ну, а вы?..

Старичок осенил себя крестным знаменем. Тихим светом благодати озарился его иконописный лик. Из очей излилось кроткое сияние. Он сказал:

— Переродился я. Снизошло на меня просветление. „Несть бо, думаю, власть, аще не от бога“. Словом сказать, опять же по Некрасову вышло. „Раздал Влас свое имение, сам остался бос и гол“ и... в колхозное правление вместе с бедными вошел.

— У Некрасова словно бы не совсем так.

— Может, и не совсем, — безропотно согласился старичок. — Люди мы темные. Как был, так и сказываю, а вам, конечно, виднее.

Старичково смиренномудрие умилило меня и взволновало. Высморкавшись, я растроганно произнес:

— Исполать тебе, товарищ дядя Влас! Вот она, богатая русская мужицкая натура! Как это дальше-то по Некрасову?.. „Сила вся души великая“...

— ... „В дело божие ушла“, — скромно докончил старичок. — В колхозы, то-есть. Воистину божие дело!

— Колхозы-то?..

Старичок ласково улыбнулся:

— По-вашему, может, и нет. По-вашему, социалистическое, а я так понимаю: это все одно, что божеское. По-божески и живем и доходы делим: на каждого едока поровну. Хорошо!.. Никто не в обиде, и сыты все: в день-то по десяти фунтов хлеба на душу выдаем.

— И с'едают?..

— Зачем все с'едать. Лишнее на базар можно свезть. Кому самому несподручно, у тех я скуплю и свезу. Для своего-то для ближнего мне и труд не в труд. Всегда готов я порадеть!

— Так... Ну, а партийцы местные как к вам относятся, товарищ дядя Влас? Ничего?

Старичок сказал:

— Уважают. Я к ним с лаской, и они ко мне не с таской. Народ простой.

И набожно поднял к потолку глаза:

— Уж так-то просто, так просто, что дальше и некуда!

Сладостный старичок. Умилительный. Тихий. Некрасовский.

Одно только не совсем у него по Некрасову: не ходит он теперь, дядя Влас-то, „с обнаженной головой“. Зачем ему это? В деревне есть шляпы!



КОГДА-ТО... НАК ВЛАДЕЛЕЦ
— Я тебе покажу, как воровать!!!



ТЕПЕРЬ... НАК ПРОДАВЕЦ
— Я тебе покажу, как воровать...



32

— Почему ты за последнее время стала такой скучной?
 — Я имею право ходить бесплатно в кино...
 — Ну, а что же?
 — Хожу!

АРИФМЕТИКА

Костя безнадежно положил исключаявленный чернильный карандаш на тетрадку. Графитов с ненавистью смотрел на коротко остриженный затылок сына и злобно допытывался:

— Не понимаешь? Ничего не понимаешь? Жрать— понимаешь, ботинки изнашивать— понимаешь, а арифметику за тебя медведь поймет? Пиши: одна пятая. Что есть одна пятая?

— Одна пятая, это...
 — Не тяни! Это значит целое число взяли и разделили на пять. Понял?
 — А зачем?

— Не твое дело. Взяли и разделили. Ну вот, допустим, ко мне в магазин привезли пятьдесят кило шоколада. Пиши — 50. Кроме меня, — там еще четыре продавца. Пиши 1+4. Итого пять. Итак, мы взяли эти пятьдесят кило шоколада и разделили между собой поровну...

— Поровну. А это можно?
 — Тебя не спрашивают. Это пример.
 — Хорошенький пример. По десяти кило на брата!
 — Отвечай, как называется такое действие?
 — Обыкновенно называется. Жутьничеством.
 — Константин! Будешь ты отвечать?
 — Не буду. Тебе отвечать придется. Ты же делил, а не я.

Графитов тянется к сыновнему уху, но вспоминает трамвайные лозунги о любви к детям и останавливается.

— Пиши. Один человек достал десять метров трикотажа...
 — По талонам?
 — Без. Десять метров по одиннадцать рублей. А продал их по сорок два.

По сорок два. Написал?

— Написал. По сорок два.
 — Решай.
 — Чего решать?
 — Решай, сколько он получит.
 — Это уже в суде решат.
 — Ну что с таким олухом сделаешь! Я тебя спрашиваю, сколько он за все получит?
 — Откуда я знаю... Единжды два — два, единжды четыре — четыре, два плюс четыре шесть... Лет пять получит. И правильно: не спекулируй.
 Графитов сердито выпил воды, вытер усы и постучал пальцем по столу.
 — Ты меня учишь или я тебя учу?
 — Ты, ты. Лучше бы уж не учил таким вещам.
 — Кто из нас отец—ты или я? Я—отец. Я тебе десять лет отец.
 — Десять лет и два месяца.
 — И два месяца, а ты грубишь! Скажи мне, что называется сложением?
 — Сложение? Сложение это когда...
 — Сложение это когда складывают. Допустим, что один человек взял со склада сто кирпичей. Пиши: кирпичей. Другой взял полтора.
 — А третий?
 — Третий полторы тысячи.
 — Appetit, значит, разгорелся?
 — Что здесь надо делать?
 — Следить, чтобы кирпичи почем зря не растаскивали.
 — Я тебя, болван, спрашиваю: если А взял сто кирпичей, Б взял полтора, В — полторы тысячи...
 — Да, тут, кажется, вся азбука в воровстве участвовала.
 — Как называется это действие?
 — А сам ты не понимаешь? Типичное расхищение общественной собственности. Ну и арифметика у тебя, папаша!
 Графитов опустил на стул, смал голову и уныло сказал:
 — Все нервы вымотал. В последний раз тебе объясняю. Пиши. Что получится, если к трем с четвертью прибавить пять с тремя четвертями...
 — Три да пять — восемь... Одна четверть, две четверти, четыре четверти... Ой...
 — Ну, что получится?
 — Четыре четверти на восемь? Пьянка получится и ничего больше. Папа, оставь ухо. Па-па...

*

Через полчаса Костя стоял на дворе и разговаривал с незнакомым мальчиком в пестрой кепке.

— У тебя кто отец?
 — Отец-то? Монтер у меня отец. А у тебя?
 — У меня?

Костя немного подумал, сердито сунул руки в карманы и сухо ответил:
 — Жулик.

КЛИМ УНЫВАЛОВ

ЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Наметив к чистке подготовку,
 С работы возвратясь домой,
 Извлек я старую толстовку
 И вынул брюки с бахромой.
 Но тут Петров меня застукал
 И молвил, галстук теребя:
 — Теперь, дружок, не в этом штука,—
 Штаны не вывезут тебя!
 Заплатой ничего не сваришь,
 Упор, дружище, на другом:
 „С-с-кажите, дорогой товарищ,
 А как вы... с классовым врагом?“
 —С врагом?.. Постой-ка.. В самом деле?..
 Как разгадаешь— друг иль враг?
 Тут был один в моем отделе,
 Но был он с виду... не кулак.
 Он внешностью меня запутал,
 Ну, кто б врагом его признал?
 Он был чуть выше лилипута,
 В глазах — небес голубизна!
 Какой обрез там! Даже финкой
 Он не грозил, вошедши в раж,
 Не ножиком, а спецмашинкой
 Всегда чинил он карандаш!
 И голосок нежней кларнета
 Его нейтральность завершал:
 Он пятилетке многи лета
 За каждой рюмкой возглашал!
 Возьми ан-фас его и в профиль,—
 Все не кулацкое клише.
 Да я совсем не Мефистофель,
 Чтобы читать в его душе!
 Чтоб распознать его платформу,
 Чтобы не дать ему вращи,—
 Для кулака нам надо форму
 Незамедлительно ввести!

В. ГРАНОВ

Хватательные и глотательные наклонности были обнаружены у меня, к счастью, в глубоком детстве.

В шестимесячном возрасте я хватал погремушку и пытался засунуть ее в рот.

Моя нежная мама хлестала меня по ручкам и учила уму-разуму:

— Оставь, дурак, — пасть разорвешь!

Метод воспитательного воздействия заботливая мама применяла ко мне до самого совершеннолетия.

И я знал, — что можно и чего нельзя.

Правда, рефлекс хватания иногда проявлялся у меня, но они уже сопровождались одновременным спасительным рефлексом оглядывания.

Но и оглядывание не всегда спасало. Собственность была частная. При имуществе находился сам владелец. А у владельца на рефлекс постороннего хватания проявлялся рефлекс, именуемый — „по шее“. Этот рефлекс вызывал ощущение чувства неловкости в верхних позвонках и болезненное сотрясение головного придатка. И тогда сразу было видно, что ты увлекся и рванул чужое.

В наше время, когда почти вся продукция стала общественной и неприкосновенной, дело очень осложнилось.

Я уже не говорю о густопсовом враге, для которого воровство — очередной метод борьбы. Я хочу сказать только о себе. Мне иногда кажется, что и я тоже не прочь.

Не то, чтобы запустить лапу в кассу или вынуть из железнодорожного вагона кипу миткаля. Нет! Материнское прочное воспитание спасает меня от таких неделикатных поступков.

А так как-то... Неясность в телодвижении. Ломота от рефлексов и атавизма. Погрызывают сомнения. Чувство неудовлетворенности. Торпливость в вопросах получения...

Должность у меня непродуктивная и бесполезная. А получаю не мало. Вот и думаю — не воровство ли?

Ловчу, устраиваюсь, достаю... Опять, не воровство ли?

Поглядываю сквозь пальчики на деяния других, помалкиваю. Не оно ли это самое?

А иногда и цапнешь. Не прямо, конечно, а через друзей-приятелей.

Некоторые из моих приятелей нет-нет да и похватывают.

Я думаю, хватают они больше по неосведомленности. Втемную. Ведь еще не сложилось прочно общественное мнение. Не осознал себя владелец. Еще трудно разобраться, где — общественная, неприкосновенная, охраняемая, где — просто беспризорное добро.

Иные совершенно не читали Уголовного кодекса и не знают.

Я наблюдал одного маэстро, рвавшего без всякого зазрения. Его голубые глаза при этом сияли невинностью, а хватательные движения были преисполнены безмятежной грациозности. Маэстро мог прочесть доклад о присвоении, но по части теории собственного касания был сущее дитя.

Общественная собственность — дело новое. Тут надо начинать с азов. Заочные уроки морали. Предостерегающие надписи: „Здесь прикасаться строго воспрещается“, „Берегите общественные карманы“ и т. д.

По крайней мере, тогда я буду ходить и знать наверняка.

А то без мамы трудно. Теперь моя матушка уже старенькая. Она не может сопровождать меня.

В благодарность за воспитание я достал ей отдельную комнату и даже две лишние детских карточки.

И я часто думаю с грустью:

— Как жалко! Моя нежная мамочка уже не хлещет меня по ручкам. Она не говорит: „Оставь, дурак, — пасть разорвешь“. Да и разобралась ли бы старушка в новой сложной обстановке общественного пользования. Интересно, как вообще на этот счет другие мамы?



СПЕКУЛЯНТ! — Менял комнаты на квартиры, доллары — на фунты, червонцы — на лиры, но никогда не думал, что буду менять Москву на Сызрань...

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

В стране существуют таланты. Мы намерены отпустить им соответствующие порции оваций и лавров. Но в стране — это совсем не естественно — гораздо больше поклонников, нежели талантов. Мы будем охранять также интересы поклонников. Такова программа в вопросах искусства

СИМФОНИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

Иллюстрации Л. Бродаты

Среди деятелей сцены существует анекдот: старик Корш, многолетний владелец театра в Богословском (ныне Петровский) переулке, встретился однажды с настоятелем церкви Иоанна богослова, по имени которой и назван был переулок. „Соседи“ учтиво спросили друг друга о делах.

— Худые дела, — заметил служитель культа, — народ все больше мимо нашего храма идет к вам в театр.

Находчивый антрепренер, будто бы, ответил:

— Оно и понятно, батюшка: у меня в театре — каждую пятницу премьеры, а у вас — то, голуба, репертуарчик старенький.

Однако аксиома о преимуществе нового репертуара перед старым решительно опровергается в одной мощной области искусства: в музыке. Удивительная вещь! Если бы кому-нибудь понадобился список наиболее исполняемых композиторов, мы отослали бы его в некое учреждение, где такой список заготовлен крайне прочно и наглядно.



Идет о портретах в Большом зале Консерватории. Именно композиторы, увековеченные под потолком зала на улице Герцена, суть завсегдатаи музыкальных программ. Бетховен, Моцарт, Бах, Гайдн, Мендельсон, Рубинштейн, Глинка, Чайковский... кто там еще? Впрочем, каждый может лично сверить и дополнить список. Но ни композиторы, жившие ранее Баха, ни творившие позже Чайковского, уже не входят в эту группу. Композиторы вроде почтенного профессора Гедике или народного артиста Ипполитова-Иванова, скажем, попадают в концертные программы только фуксом, как подающие надежды юные аспиранты на семейные вечеринки профессоров, на которых три светила садятся играть в винт и только в виду отсутствия по старческому недомоганию четвертого постоянного партнера милостиво суют карту молодому человеку.

Невольно возникает вопрос: как же при таком положении копируются молодые советские композиторы? Ответ: еще недавно они признавались вообще не родившимися. Теперь в их положении произошло значительное улучшение: советские композиторы ныне рассматриваются как неполноправные граждане. Для советских композиторов создаются теперь концерты наподобие карантинных. То-есть: изредка подбирается целая программа из произведений молодых советских композиторов (Шостакович, Шебалин, Половинкин и др.), при чем афиши и сообщения в прессе о таком концерте снабжаются тревожными предупреждающими сигналами примерно так:

„Опасно! Осторожно! Молодые! Советские! Композиторы! в исполнении оркестра филармонии в Бетховенском зале Большого театра в виду того, что меньше помещения найти не удалось: все-таки надо рассадить человек 50 оркестрантов. Билеты продаются“ и т. д.

Зато как благолепен обряд концертования какого-нибудь из портретов в помянутом зале.

Начинается это, впрочем, с того, что город в один прекрасный день залеплен узкими полосами бумаги, на которых пугающе огромными черными буквами написано:

ГУГУЕВ

Афиш так много, что для проходящего дикое слово „Гугуев“ через четверть часа пребывания на улице делается навязчивым бредом, который не оставляет и во сне. Впечатление тем более тревожное, что многие из прохожих догадываются подойти вплотную и найти выше и пониже фамилии „Гугуев“ несколько строк мелким шрифтом, из которых явствует, что помянутый Гугуев является исполнителем в концерте, имеющем быть тогда-то и по такой-то программе. Для большинства слово „Гугуев“ остается тягостной бессмыслицей, которая буквально дразнит на каждом шагу. Сейчас как будто ставится вопрос об изживании уличных шумов, разрушительно действующих на нервы московского населения. Заверяем Моссовет, что анонсы с фамилиями, набранными по указанному выше способу, — такое же нападение на нервы прохожего, как и визгливая автомобильная сирена или дребезжащая по мостовой рельса.



В день концерта по двойной холдной лестнице Большого зала Консерватории, не торопясь, подымается слушатель-знаток, который сегодняшнюю программу знает по меньшей мере в исполнении восьми отечественных и зарубежных музыкантов. По фойе и зрительному залу снуют консерваторские девицы в пенсне, некрасивые и даже мало кокетливые, из которых прямо на глазах вылупливаются будущие учительницы музыки.

Сперва, опять-таки не торопясь, рассаживается публика. Потом, не торопясь, рассаживаются и настроиваются оркестранты. Опоздание против обозначенного в программах времени — уже на 40 минут. Проходит еще 8 минут, и когда начинает казаться, что сегодня ничего не будет, в самом конце эстрады показывается дирижер. Консерваторские девицы первые заметили его и начинают приветственные аплодисменты. Зал подхватывает. Вообще надо сказать, по части хлопания музыкальная публика самая тароватая. Ни в театре, ни в цирке, ни на литературных чтениях — нигде не бывает столько аплодисментов в кредит, как в симфонических концертах. Все остальные аудитории создают успех или неуспех. В симфонических концертах неуспеха не водится: градация начинается с успеха — успех, большой успех, бурный успех, небывалый успех...

Между тем дирижер протискивается вперед по узкому проходу

между оркестрантами опытной трамвайной походкой. Вот он наклонился к тромбонисту и о чем-то спрашивает его. Совершенно очевидно, что он шепчет: „На следующей сходите?“ Тромбонист отрицательно качает головой и слегка стонотится. Дирижер поднялся на присвоенный ему деревянный порожек. Поклонами он пытается расквитаться за аплодисменты. Четыре, пять, шесть... шесть поклонов — вполне приличная цена за то количество знаков одобрения, которое сегодня отпустила ему публика. Оба — дирижер и зал — согласны с такой оценкой. Зал стихает, дирижер поворачивается спиной. Теперь дирижер — это осуществленные детские мечты каждого из нас о величии.



Последние приготовления: дирижер поправляет манжеты, скрипачи по-верблужьи дергают подбородками. Ударник шепчет нечто крайне срочное и важное трубачам. Но вот в воздухе возникла дирижерская палочка. Секунда, другая, третья. Палочка вздрогнула: дирижер острожно и плавно пускает в ход вверенную ему машину. Слегка запаздывая против палочки, но повторяя ее рисунок, звуки потекли в зал. Знатоки из публики принимают особенное, дегустаторское выражение лица.

Благополучно выехав в фарватер симфонии, дирижер внезапно начинает суетиться. Он ведет себя, как сапожник, которому нужно срочно закончить заказ: хватается ежесекундно за разложенные перед ним инструменты, слегка кольнув слух аудитории одной трубой, берет за другую, за третью, за четвертую... Знатоки свернули себе шеи, следя за его движениями.



Затем начинается успокоение. Музыкальная тема окончательно выявилась и крепко зажата квинтетом. Медь, добродушно отрывивая, подчеркивает ритм. Дирижер полуотдыхает. Левая его рука, кажется, покачивается на упругих и четких звучаниях, почти овеществленных. Но в тот момент, когда правая рука, привязанная к беспокойной палочке, видимо, готова была тоже отдохнуть, происходит катастрофа: тема вырвалась, наконец, из-под смычков, на три такта перепрыгнула к валторнистам и снова рассыпалась.

Дирижер, несмотря на явную уже усталость (из 4-го ряда видны струйки пота, стекающие по его шее), отправляется в погоню. Это занимает пятнадцать минут и кончается поимкой беглянки в конце первой части. После того как зал удостоверился, что тема снова пленена виолончелями, дирижер кладет палочку. Несколько неопытных слушателей, предполагая, что это конец, начинают хлопать; знатоки сурово шикают и только после этого делают лицом „вольное“, т-е. убирают дегустаторское выражение.

Вторая часть. Ее начинают 12 скрипачей и одна правая рука дирижера. Затем присоединяются 12

вторых скрипок и попеременно весь оркестр. Совершенно незаметным образом слушатели, убежденные в том, что они присутствуют при начале части, оказываются вовлеченными в глубокое лоно музыкальной стихии. Между тем оркестранты живут своею собственной жизнью: они отдыхают, опустив плечи и руки, вооруженные инструментами, затем постепенно подбираются и, внезапно приняв энергичные позы, вступают в показанных местах. Мелодия течет, не обращая внимания на эти перемены в положении музыкантов, уверенная, что в должный момент они послужат ей. И только один дирижер заботится о равновесии между нуждами симфонии и деятельностью исполнителей.

Так проходит полчаса. Потом звуковое хозяйство дирижера явно начинает возрастать. Теперь уже все 60 оркестрантов принимают участие в колебании воздуха. Ни одного прогульщика. Очевидно, скоро конец вещи. Туба-бас, который тревожит себя в редких случаях, уже шесть тактов рычит без перерыва. При каждом аккорде кажется, что большей мощи звука нельзя достигнуть. Но мимика дирижера предвещает все больший и больший гром, и она не обманывает, эта мимика. Наконец и палочка находит, что большее невозможно. Отказываясь от усиления, она трепещет, требуя тремоло. Шестидесят инструментов учащенно повторяют свои звучания, исполняя последний каприз палочки. И точно — после этого она издыхает, опускается на пульт мертвым огненным предметом. Симфония окончена.



Дегустаторская настроенность на лицах знатоков сменилась взволнованной теплотой. Их не надули: действительно имела место симфония, и все присвоенные данной симфонии чувства исправно наполняют знатоков. Они аплодируют. Зал аплодирует. Оркестранты стучат смычками по пультам. Дирижер кланяется. Зал аплодирует. Дирижер пожимает руку концертмейстеру первых скрипок. Концертмейстер кланяется. Зал аплодирует. Оркестранты стучат. Дирижер кланяется. Он торопится уйти, пока аплодисменты еще не смолкли. Начинается антракт. Капельдинеры, отодвинув ряд первых скрипок и альтов, встывают в образцовую шеренгу щербину рояля: после антракта будет соло рояля с оркестром. Но мы уже знаем: это чреват лишними рукопожатиями (солист — дирижер — солист — концертмейстер — дирижер — концертмейстер) и аплодисментами.

Ах, как приятен и завиден обряд концертования! И как хотелось бы принять в нем участие, ну, хотя бы, в качестве обо всем осведомленной некрасивой консерваторской девицы в пенсне.

В. АРДОВ



О Т Ц Ы И Д Е Т И

(К. Ротов)

Полицейский бюджет многих европейских государств с'едает все средства, отпускаемые на культурные нужды.



К. Р. 33

— Ну, сынок, теперь я тебе дам образование, — мне прибавка к жалованью вышла.
— Ничего не выйдет, папа. Из-за этой прибавки нашу школу вчера закрыли.

ПОЧТЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ

Гражданин Растегнуев проснулся в своей грязной и плохо убранной комнате около 7 час. утра. Спустив на пол ноги в желтоватых кальсонах, Растегнуев поглядел на ходики, бойко махавшие маятником, зевнул и стал засовывать тесемки от кальсон в валенки с калошами.

Несмотря на раннее время, на кухне уже тяжело дышал принос, и самая рачительная домохозяйка — Анна Егоровна, скрестив руки на груди, беседовала со студентом Михайловым, который занимал теплый чулан, предназначавшийся когда-то „для прислуги“.

— А вы попробуйте, сходите на рынок, — советовала студенту Анна Егоровна. — Может, аккуратно и найдете подходящую цепь... Может, она аккуратно и подойдет к вашему велосипеду...

Тут, увидев Растегнуева, Анна Егоровна прервала свои советы и сказала:

— Гражданин Растегнуев, с вас получить надо...

— Это еще за что? — хриплым голосом отозвался Растегнуев.

— Пол натирали в коридоре. На вас приходится 50 копеек.

Растегнуев сделался сразу весь красный.

— Какие это еще 50 копеек? — заорал он. — С безработного рабочего норовят слупить за что ни попади! Вчера управдом чего-то требовал, третьего дня с электричеством приставали, а сегодня, наконец, — еще за полы. Что же я — бывший регент, что мне полы надо натирать? Что я — атташе какой-нибудь?..

— А вы, товарищ, действительно безработный? — мягко сказал студент.

— Ну да, безработный. Не верите, так вот вам... И Растегнуев стал извлекать из всех карманов помятые, полунстертые бумажки.

— Верю, верю вам, товарищ, — поспешно сказал Михайлов и, обращаясь к Анне Егоровне, добавил: — Надо бы пересмотреть этот вопрос. Нельзя же, в самом деле, с безработного... Давайте хоть я уплачу этот полтинник...

— Где это у нас теперь безработные, — недоверчиво пробормотала Анна Егоровна, глядя вслед Растегнуеву.

Но Растегнуев ее уже не слышал. Растегнуев находился уже в своей комнате, дверь в которую он запер изнутри и притом проверил: заперлась ли? Затем он полез под кровать, со скрипом извлек на свет боковой плетеную корзину, которая когда-то, надо полагать, представляла собой строгий параллелепипед, а теперь более походила на раздавленное яйцо всмятку. В корзине под ворохом грязного белья оказалась жестяная коробочка, в которой выпускают на рынок свою продукцию кондитерские фабрики. Но в коробочке лежали не леденцы, не подушечки с начинкой и не ленточки мармелада, загрязненные под апельсиновые дольки, а главным образом червонцы солидных купюр, зеленело, впрочем, несколько пятидолларовых бумажек и сиротливо перекатывались по коробочке три золотых монеты с безносым царским профилем.

„Безработный рабочий“ вынул из коробочки одну тысячу рублей, чем в весьма малой степени обездолил коробочку, тщательно спрятал деньги в карман, задвинул корзину обратно и тепло — для улицы — оделся. Когда Растегнуев проходил по коридору, Анна Егоровна окликнула его:

— Насчет полтинника за полотера не беспокойтесь: Михайлов заплатил за вас.

— Хорошо, — буркнул Растегнуев, растворяя дверь в под'езд.

На трамвайной остановке, многолюдной в этот час, Растегнуев не смешался с толпой ожидающих: он вышел далеко навстречу подходящему вагону, попрыгал, включаясь в ритм его движения, и на ходу вскочил на подложку, при чем чуть не сбив с ног какую-то слушающую в берете, стоявшую на площадке.

— Видали вы их? — заворчал сейчас же Растегнуев. — Людям на работу надо, а тут эта фра расположилась. Ну, чего стала, проходи в вагон, пока жива!..

Местом работы „безработного“ Растегнуева оказалась одна из московских застав. Здесь он покинул трамвай и прошел вперед по улице, давно уже переросшей старинную зарубку заставы.

Через некоторое время Растегнуев увидел в'езжавшего в город колхозника.

— Стой, — сказал Растегнуев, приближаясь к саням, — чего везешь?

— А тебе что? — недоверчиво сказал колхозник, придерживая лошадь.

— А то, что можем тут скупить. Все тебе выгоднее, чем по городу-то трепаться.

— Чем же выгоднее?

— А вот как начнут у тебя на рынке бумаги проверять, да как реквизируют... Чего везешь-то?

— Барана...

— Ну, вот. Как реквизируют барана, как потягают в милицию, — Растегнуев заведомо лгал. Но ему удалось посеять сомнения в душе колхозника. — Показывай, брат, лучше своего барана...

— Что ж, показать, показать можно, — задумчиво отозвался колхозник.

— Вот он, баран, гляди...

И точно: под брезентом на санях залиловелась поджарая баранья туша.

Начался торг, во время которого Растегнуев больше пугал неприятностями, ожидающими колхозника в городе, а колхозник хвалил свой товар. Неизвестно, чем и когда кончился бы этот торг, если бы внезапно не подошел к саням некто, голосом и манерами напоминающий самого Растегнуева, и не прохрипел бы:

— Чего продаешь, земляк?

— Ничего, ничего не продает! — поспешил Растегнуев. — Получай деньги, отец!

И он, отклонивая червонцы, стал совать их колхознику.

Студент Михайлов, почитав часа полтора у себя в каморке „Сопротивление материалов“, отправился на рынок поискать перчаточную цепь для своего велосипеда. Но неопытный Михайлов попал в мясной ряд вместо скобяного. Продираясь сквозь плотные ряды домашних хозяек и продавцов с отморозенными красными, как самое мясо, руками, студент торопился исправить ошибку. И вдруг он услышал знакомый голос:

— С колхозника норовят слупить за что ни попади, — рычал голос. — Что же я — бывший регент или я — атташе какой-нибудь?

Михайлов обернулся. Сзади него стоял „безработный“ Растегнуев с половиной бараньей туши, а подле него открывал портфель милиционер.

— Да! Колхозник! — продолжал Растегнуев. — Вот, если не верите, бумажки...

И он, как давеча, совал милиционеру истертые и смятые клочки. Михайлов кинулся к Растегнуеву.

— Так вы, значит, и колхозник тоже? — сказал студент.

Растегнуев икнул в середине фразы, повторяющей, что он не бывший регент.

— Да... Колхозник, — прошептал он неверным голосом. — Я...

— Вы же, значит, — безработный рабочий и вы же — колхозник?

— Да. И рабочий и колхоз... — тут Растегнуев оборвал себя и покорно спросил у милиционера: — Барана куда девать?

— В отделении все рассортируем. Пошли, браток! — И милиционер обратился к Михайлову: — Вы пройдете с нами, товарищ.

Михайлов сдвинул с затылка кепку и пальцем почесал волосы: приобретение цепи явно откладывалось.

У ВРАТ УЧРЕЖДЕНИЯ...

(М. Хрипловский)



— И чему тут швейцар? Ведь всех секретных!

— Мы нарочно его оставили. Был бы швейцар, а учреждение будет.

В. ИКАР

ДИСКВАЛИФИКАЦИЯ ПОЛА

Вопрос о замене там, где это можно, мужского труда женским не является дискуссионным, но в кунгурской железнодорожной бане он решен самым неожиданным образом и в мужской раздевалке для обслуживания моющихся поставлена банщица.

Теперь остается только дожидаться, что в железнодорожные ясли в качестве наиболее опытной няньки будет назначен кто-нибудь из сцепщиков или кочеваров, — и закон равновесия будет в порядке.

ОБСЛУЖИВАНИЕ ДЫБОМ

Бывают закупки оптовые, розничные, а иногда и чисто эксцентрические, вселяющие ужас без малейшей примеси приятного изумления. Так председатель Грунтельдского сельпо Мхитаров закупил для обслуживания семисот колхозников

на 14 тысяч рублей детских игрушек и на семь тысяч карманных зеркалец.

Если такой закупщик посмотрит в одно из тех зеркалец, которые он закупил на семь тысяч, он ничего не увидит: лицо, как лицо, а умышленные способности карманное зеркальце, к сожалению, не отражает.

СКАЗАНО — СДЕЛАНО

Поимка живого зверя во время охоты — дело достаточно затруднительное. Поимка живых охотников да еще перед охотой — значительно легче. Исходя, очевидно, из этих соображений, Орловский и Н.-Петровский сельсоветы, Тамбовского района

в самый разгар заготовок пушнины распорядились отправить целую группу охотников на другую работу, а когда те, ссылаясь на договор с хозяйственными, отказались, их арестовали, посадили в баню и держали четыре дня.

Мы не знаем, послали ли волки и лисы благодарственный адрес обоим сельсоветам за чудесное избавление от опасности. Думаем, что нет, и самим сельсоветам придется послать в срочном порядке свой адрес в ближайшее РКК.

ПРИПАДОК РУКОВОДСТВА

Культпропотдел ЦК союза ВСРЭИ, Солянка, 12, комната 306, недавно осведомил свою периферию о начале новой эры в художественной самодеятельности:

Отдел под руководством товарища Темзина разослал своим предприятиям планетарную анкету в 42 вопроса.

Анкета подходит к вопросам самодеятельного искусства с крайней углубленностью.

Пункт 30, например, подозрительно осведомляется:

«Нет ли голой агитации без глубокого анализа?»

Пункт 32 гласит:

«Во что думает вырасти коллектив?»

И если не думает, то почему?»

Пункт 35 требует немедленно изложить политическую установку и «уровень» режиссера.

Пункт 16 остро ставит крайне актуальную для самодеятельных кружков проблему:

«Вопросы премьерства И ИХ УСТРАНИЕНИЕ».

Пункт 25 предлагает немедленно сообщить о сроках руководства и «нет ли гонения за количеством в ущерб качеству».

На этот вопрос беремся ответить мы: давно уже существует гонение на вздорные анкеты. Просим принять к сведению.

ЭПОХА И ОТИЛЬ

Каждой эпохе соответствует свой стиль.

Из всех шестерых, собравшихся в комнате у режиссера Емзана, эта истина еще не дошла только до Жени Минтусова, расстроенного не только эпохой, но и отсутствием у хозяина папирос и пива.

— Нет, вы только посмотрите, волновался он, разыскивая окурки в пепельнице. — разве это язык? А? Как пишут наши писатели? Как пишут наши поэты? Разве это язык? А? Где же он, где, вы скажите, наш настоящий, добрый, старый, могучий русский язык? А?

Последнюю фразу он произнес с таким надрывом, как будто бы у него только что вытащили добрый (старый, могучий и т. д.) русский язык из кармана, и он требует немедленного составления протокола тут же на месте.

Молчаливо возмущенный до сих пор с засоренной трубкой актер Плеонтов думал в это непослушное орудие наслаждения и тихо сказал:

— Ты дурак, Женя. Средний, нередко встречающийся в нашей области тип дурана. Пробовал ли ты хоть раз разговаривать с окружающими на языке другой эпохи?

— Подумавшись, — легкомысленно отпарировал Минтусов, выловив малодержанный окурочек.

— Не думай, Женя. Не затрудняй себя непосильной работой; не свойственной твоему организму, — ласково произнес Плеонтов, — для тебя как для существа мало развитого наглядные впечатления значительно полезнее, чем головные выводы. Хочешь, я тебе опытным путем покажу, что такое язык, несозвучный эпохе?

— Покажи, — упрямо принял вызов Минтусов.

— Охотно. Этот свитер твой?

— С голубыми полосками, который на мне?

— Именно с полосками и именно на тебе. Ставишь его против моей настольной лампы, которая тебе так нравится, если я тебе докажу, что в области понимания стиля 'ты' отстал, как престарелая извозчица лошадь от электрического пылесоса? Идет? Емзани, разними руки.

Когда Плеонтов и Минтусов вошли в трамвай, Женя вытянул из кармана двугривенный и протянул его кондуктору.

— Это семнадцатый номер? За двоих.

Плеонтов быстро схватил его за руку и вынул из нее двугривенный.

— Женичка, — укоризненно зашептал он на ухо Минтусову, — прямо не узнаю тебя... Разговаривать с кондуктором трамвая да еще семнадцатого номера на таком судном, прозаическом, ничего не говорящем сегодняшнем языке... Ты ведешь себя, как дворянин на именинах... Где же он, этот настоящий, сочный, полнозвучный язык нашей древней матушки Москвы, язык степенных бояр и добрых молодцов, белолицых красавиц, которые...

— Погоди, что ты хочешь делать? — встревоженно посмотрел на него Минтусов.

— А ничего особенного, — небрежно кинул Плеонтов и, низко поклонившись в позе изумленному кондуктору, заговорил мягким проникновенным голосом:

— Ах, ты гой еси, добрый молодец, ты кондуктор-свет, чернобрывый мой, ты возьми, орел, наш двугривенный в свои рученьки во могучие, оторви ты нам по билету, поклонись тебе в крепки ноженьки, лобызну тебя в очи ясные...

— Пьяный ездить не разрешается, — неожиданно и сухо оборвал его кондуктор и дарнул за ремень, вызвав этим явное сочувствие пассажиров, — попроси слезить!

— Я не пил, орел, зелена-вина, я не капал в рот брагой пенистой, — заливался Плеонтов, ухватив за рукав бросившегося к выходу Минтусова. — Ты за что, по что угоняешь нас, ты, кондуктор наш, родной батюшка...

Выпрыгнули Плеонтов и Минтусов, не дожидаясь остановки и не без помощи разъяренного кондуктора и двух пассажиров, из которых один оказался вдовой счетовода, прошипевшей им вслед:

— Нажрались у себя в закрытых распределителях, вот и шляются по трамваям...

На углу сидел молодой чистильщик сапог и думал о том, что, если ему удастся купить двухрядную гармошку, жизнь сделается значительно полнозвучнее и красивее. Два хорошо одетых человека подошли к нему. Один из них, оглядываясь на другого, неохотно поставил ногу на деревянную скамеечку, а тот с приятной улыбкой на добром лице и слегка изогнутой талией, начал мечтательно и внятно:

— Отрок, судьбой обреченный на игрище с щеткой сапожной! В нежные пальцы свои взяв гуталин благовонный, бархатной тряпкой пройдишь ты по носку гражданина, ярко сверкающий глянцем, подобный прекрасному солнцу, ты наведи и, погладив его осторожно, ты...

— Оставь, — хмуро проворчал Минтусов, снимая ногу.

Чистильщик осторожно поднялся с земли, сунул желтую нить в карман и тоном, не предназначенным для дискуссии, сурово объявил:

— С таких деньги вперед полагаются. Клади или чисть сам!

— А ведь какой прекрасный гекзаметр, какие стихи! — искоса посмотрев на Минтусова, произнес Плеонтов. — Пойдем. Разве это не прекрасный стиль? Ведь на таком языке древние римляне мир завоевали... Осторожнее, — споткнешься.

— Оставь, пожалуйста, эти штуки, — сердито сказал Минтусов, когда они вошли в кафе, — ты бы еще язык древних египтян выкопал и на нем ветчину покупать стал...

— Значит, ты находишь, — внимательно выслушал его Плеонтов, — что более современный стиль, ну, допустим, фривольный язык Франции шестидесятых годов, более подходит в нашу кипучую эпоху?

— Ничего я не нахожу. Я просто хочу выпить чашку кофе.

— А это мы сейчас сделаем. — Плеонтов поманил пальцем, и около стола выросла курносая девица в передничке и с мелкими завитушками.

— Вам что, гражданин?

— Пташка, — заискивающе начал Плеонтов, — забудьте на время того Жана, который щекочет вашу шейку непокорными усиками, забудьте последний вздох его в садовой беседе и...

— Меня никто не щекочет по беседам, — вспыхнула курносая девица, — а если вы, гражданин, — нахал, так и в милицию можно...

— Рассерженный зайчик! — в восхищении вскрикнул Плеонтов, взмахнув руками. — Какие розы заделали на ее щеках, соперничая с лепестками азалий! Кто сорвет поцелуй с этих алых губок, кто...

Милиционер оказался поблизости. Он терпеливо выслушал девицу с завитушками и монотонно спросил:

— На что жалуетесь?

— Нахальничают словами, — бойко ответила девица.

— Руками не лапали? — деловито осведомился милиционер.

В Америке попрежнему в связи с кризисом уничтожают огромные запасы хлеба и кофе.



(Л. Генч)

- Неужели эта фабрика еще работает?..
- С полной нагрузкой. Это новый хлебскофеежигательный завод...

- Руками не лапали, — так же бойко подтвердила девица.
- Как было? — повернулся милиционер к Минтусову:
- Видите ли, — робко начал тот, — сидели мы у стола, а вот этот, — он с ненавистью взглянул на Плеонтова, — говорит ей...
- Оставь, Минтусов, — мягко перебил его Плеонтов, — каким языком ты об'ясняешь? Какая пошлая современная проза... Где же у тебя тот сочный, подлинный язык девяностых годов, на котором писали лучшие представители родной литературы... Эх, Минтусов... — И положив руку на плечо милиционера, Плеонтов заговорил, устремив проникновенный взгляд на последний этаж строящегося дома. — Было это так. Голубая даль пропадала там, где грани света боролись с наступающими сумерками. Тихая, подошла она к нашему столу. Тихая, и казалось, что не она подошла к столу, а стол...
- Платите, гражданин, три рубля, — вздохнув, сказал милиционер, снимая с плеча плеонтовскую руку.
- Мы же не прыгали с трамвая, — горько вмешался Минтусов.
- Такие, и не прыгая, нахальничают, — вступилась довольная девица. — Платите!..

Когда пришли домой и разделись, Плеонтов закурил папиросу и осторожно спросил:
- Ну, какого ты мнения, Минтусов, относительно стиля? Соответствует ли каждой эпохе ее стиль, или...
Минтусов сердито снял пиджак и, быстро сдернув через голову свитер с голубыми полосками, протянул его Плеонтову:
- На. Давись!

КОГДА...

(Почти по Лермонтову)

„Когда волнуется желтеющая нива“,
И молотилки ремонтирует колхоз,
И бредят некто, ухмыляющийся криво,
Вокруг тучнеющих колосьями полей;

Когда сплюной обрызганный собачьей
Туманным вечером или в поздний час ночной
Из-за угла выглядывает, прячась,
Какой-то тип с мешками за спиной;

Когда лопаты звук несется по оврагу
И, наведя на мысль, что здесь копают силки,
Бормочет мне таинственную сагу
Про спрятанный от государетая хлеб, —

Тогда мой взгляд становится злобач и грозен,
Тогда огущаются морщины на челе,
И нахожу зерно, зарытое в земле,
И вижу кулака в колхозе...

А. СТОВРАЦКИЙ

И ПРОЧ

ГОТОВ К УСЛУГАМ

По сообщению „Пестер-Ллойд“, знаменитый Кирилл Романов опубликовал в парижских газетах воззвание к Красной армии, в котором он предлагает

дать ему возможность сесть на престол.

Удивляться тут нечему. Человеку хочется присесть, особенно еще, если он подряд пятнадцать лет стоял на вытяжку в чужих прихожих. Не всякий организм это выдержит.

ИСПРАВЛЕННАЯ ПОСЛОВИЦА

По сведениям берлинских газет, румынский писатель Герцке арестован охранкой и подвергнут там пытке

за попытку дать в новом романе быт СССР в благоприятном освещении.

После этого трудно сказать, что в Румынии пытка — не пытка. Повидимому, эта пословица сохраняет там свою силу только при краже казенных сумм.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЗУС

Выпущенная Ватиканом собственная валюта, — как пишет „Пти-Паризьен“, — очень охотно раскупается коллекционерами.

Отмечаем это как первый случай безнаказанного, с точки зрения уголовного права, хранения фальшивых денег.

СРЕДИ ЗАРАБОТКОВ

По словам „Пестер-Ллойд“, в Будапеште открыт музей спиритизма. Экспонируются вещественные доказательства общения спиритов с потусторонним миром.

Это — единственный случай, когда будапештские дельцы хотят подработать на мире, хотя бы и потустороннем. Во всех остальных случаях все ставки на войну в Будапеште считаются более рентабельными.

СЛОГ И КУЛЬТУРА

На острове Ямайка английский гвардейский полк устроил погром в Кингстоне, избив массу туземцев.

Значительно ранее голландские колонизаторы обесмертили Ямайку ромом. Ныне английские — погромом. Внешне разница в целом слоге, а по существу — никакой: сначала спаивают, потом бьют. Вот и не верь после этого в преэминентность европейской культуры в колониях...

ЕПИСКОП-ПЛАГИАТОР

Епископ винчестерский предлагает сжечь на костре новую книгу Бернарда Шоу „Приключения негритянки в поисках бога“ — „как во времена инквизиции“.

Как все-таки Англия отстаёт от Америки... Здесь негритянка на костре — еще сенсация, а в Америке — это уже устаревший быт. Винчестерский, подтянитесь!



33

— Как все это ново и интересно...
 — Но вы ведь уже об этом роман писали?..
 — Да, но я этого не видел и не предполагал, что это так грандиозно...

Ответственный редактор М. МАНУИЛЬСКИЙ ● Редакция: Я. БЕЛЬСКИЙ, С. ДОРОФЕЕВ, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ ● Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ.
 Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-18. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—90 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
 Москва. Изд. № 97 Сдача текста и рисунков—19|1. Подпись к печати — 26|1. Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000
 Уполномоченный Главлита № В — 45172. 2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушеский вал, 49. Зак. № 202. Тираж 400.000.

Оформление Л. Бродаты. Журнал набран и отпечатан во 2-й тираж. Изд. ЦК ВКП(б) „Правда“. Фотомашина — П. Мягков. Репродукция под руководством Г. Жимерикина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Зав. печат. отд. — Д. Егоров и А. Давыдов.

(А. Толпиков)

4035



— Понимаете, доктор, ребенок по вечерам готовит уроки и из-за этого страдает головной болью...
— Уроки — это ничего, пусть поменьше с игрушками возится.